

Философия экономики знаний

Эту тему в конференц-зале редакции обсуждали директор администрации Парка высоких технологий Валерий ЦЕПКАЛО; директор [Института философии НАН Беларуси](#) Анатолий ЛАЗАРЕВИЧ; заведующий отделом инновационной политики [Института экономики НАН Беларуси](#) Валерий ГОНЧАРОВ; руководитель Центра управления знаниями и компетенциями Института философии НАН Беларуси Андрей МИРОШНИЧЕНКО; директор информационно-просветительского учреждения «Центр стратегических и внешнеполитических исследований», аспирант Института философии НАН Беларуси Арсений СИВИЦКИЙ.

Впереди любого развития, в том числе и экономического, всегда идет идея. Сегодня весьма популярна идея экономики знаний. Но как она должна работать? Каким интеллектуальным капиталом мы обладаем не только внутри страны, но и в масштабах евразийской интеграции? * * *

«СБ»: В последнее время мы слышим в среде экономистов, что прежняя экономическая модель исчерпана, модернизация не дает результатов и что нужно искать новые точки роста... Почему вы считаете, что именно экономика знаний могла бы стать основой конкурентоспособного общества?

В.Цепкало: Что такое экономика знаний? Если просто, то суть ее в том, что знания, а не сырье или мануфактура становятся движущей силой развития и экономики, и общества. Сегодня на интеллекте, «мозгах» можно заработать больше, чем, скажем, на природных ресурсах. Примером тому может служить рыночная капитализация таких корпораций, как «Эппл», «Майкрософт», «Гугл». Она сегодня больше, чем у такого предприятия, как «Газпром». Разница в том, что в этих корпорациях постоянно происходит регенерация, постоянное обновление знаний; и они могут, в принципе, и дальше наращивать свою капитализацию. В отличие от того же «Газпрома», который работает с невозобновляемыми источниками сырья. И чего, к примеру, будут стоить его активы, когда в России иссякнут месторождения газа?

И уже сегодня мы видим, что большего успеха на мировых рынках добиваются те наши предприятия, которые делают ставку именно на рост добавленной стоимости за счет увеличения использования интеллектуального ресурса.

«СБ»: Интеллектуальный капитал это часть более широкого понятия — человеческого капитала, который означает совокупность накопленных знаний, умений, навыков, мастерства. Роль человеческого капитала в экономике и обществе все более увеличивается. Какой вам видится роль государства в этом процессе?

А.Лазаревич: Несомненно, экономика знаний — это экономика креативности, экономика кристаллизации новых идей и способов их реализации. И надо понимать, что творчество, креативность директивными методами не создаются. Иными словами, государство не должно претендовать на то, чтобы напрямую вмешиваться в этот процесс. Знание, творческое его применение, открытие нового требуют индивидуальной свободы. Здесь необходимы полет мысли,

раскрепощение творческой инициативы. Другое дело, что государство может создавать условия для этого, т.е. помогать конвертировать идею в своего рода товар и находить ему соответствующее экономическое измерение. А это значит, что и производство знания, и его использование нуждается в создании определенных условий и механизмов управления. В том числе и государственного управления интеллектуальными ресурсами в широком смысле слова.

«СБ»: Иными словами, построение экономики знаний зависит не только от наличия этого знания, но и от готовности общества его привлекать и использовать, создавать необходимые институты и тенденции развития. Как этого достичь?

В.Цепкало: Это требует создания целой экосистемы в обществе. Условий для появления и развития таких компаний. Это касается и системы образования в сторону ее большей практикоориентированности. Это и создание различных механизмов поддержки начинающих компаний. Я имею в виду различного рода стартапы. Начиная от бизнес-инкубирования и заканчивая финансовыми инструментами. В частности, система венчурного финансирования. Если в стране получается создать такую вот правильно выстроенную экосистему, начинают выстреливать идеи и проекты, появляются успешные компании. Которыми будут в дальнейшем создаваться продукты с глобальным рыночным потенциалом. Примером чему могут служить такие компании, как «Эппл», «Майкрософт» и другие, продукция которых востребована во всем мире. Эти предприятия создают продукт, превышающий ВВП многих стран.

Наша страна, кроме ставки на традиционное индустриальное производство, постепенно строит и основы новой экономики. Это уже видно по тем IT-компаниям, которые созданы и создаются нашей молодежью. Некоторые созданные у нас продукты и бизнес-модели стали известными во всем мире. То есть потенциал в этом направлении мы имеем значительный.

А.Мирошниченко: Да, но его действительно надо раскрывать. В современных теориях менеджмента есть дисциплина, которая называется «управление талантами». Это выявление талантливых людей, их найм, обучение. Взращивание сотрудников, которые могли бы предлагать какие-то очень креативные идеи. Во многих государствах целенаправленно занимаются созданием интеллектуальной среды в сфере госуправления. Это процесс управления талантами внутри системы госуправления.

«СБ»: А как у нас в стране обстоят дела в этом направлении?

А.Мирошниченко: Управление талантами — это совершенно конкретная дисциплина... Суть в чем. Если, допустим, вы понимаете, в чем ценность и роль человеческого интеллекта, личного вклада сотрудника на данном участке работы, тогда вы будете ориентироваться на поиск таких людей и включении таких людей в госсистему. Талантливые чиновники у нас есть. Их спорадически выявляют, привлекают к управлению теми или иными сферами. Но как таковую систему управления талантами нужно еще выстраивать.

В.Гончаров: Вопрос ставится шире: каким образом мы должны создать тот высокий уровень знаний, который бы смог обеспечить Беларуси возможность уверенно пойти по пути постиндустриального развития? Если мы говорим об интеллектуальном потенциале евразийской интеграции, это значит, что наращивать его необходимо на принципах кооперации, суммируя преимущества партнеров. Но надо понимать, что у нас достаточно скромный масштаб научной

сферы. К примеру, в Беларуси 30 тысяч человек заняты исследованиями и разработками. Совокупные затраты на их проведение составляют в год порядка 400 миллионов долларов. То есть на каждого исполнителя приходится чуть более 13 тысяч долларов в год. И если сравнить этот уровень с показателями крупнейших ТНК или стран — лидеров в области инновационного развития, мы увидим наше отставание в разы. Преодолеть его возможно было бы за счет большего привлечения государственных средств, а также предпринимательских и международных источников. Либо мы фокусируемся на узком наборе приоритетов, где наши возможности достаточно широки. Например, это биотехнологии, нанотехнологии... * * *

«СБ»: Если мы говорим о неких прорывных технологиях, то надо понимать, что в наше время они создаются силами больших научных коллективов, причем не одной страны. Так что сегодня нам важно развивать и использовать интеллектуальный капитал совместно с Россией и Казахстаном в масштабах Таможенного союза.

А.Сивицкий: Давайте обратимся к программному выступлению Назарбаева о задачах Евразийского союза. Там он изложил свое видение будущего этого интеграционного объединения. Он определяет это пространство как возможность нового прорывного промышленно–технологического развития. Речь идет, в частности, об освоении 5–го и переходе к 6–му технологическим укладам, реализации масштабных трансевразийских инфраструктурных проектов и так далее. Это видение, скажем так, в идеале. А как в реальности идет процесс интеграции сегодня? Пока еще мы имеем только Единое экономическое пространство, которое предполагает свободное движение капитала, товаров, услуг, рабочей силы. Но если брать только это, то такая модель не отвечала бы интересам нашей экономики.

В 2014 году должен быть уже подписан Договор об образовании Евразийского экономического союза. И к нему должен прилагаться список из 100 евразийских инфраструктурных проектов, а также 100 евразийских транснациональных корпораций...

Мы сейчас с коллегами продвигаем идею создания Евразийского агентства технологий. Своеобразного аналога американского DARPA (Агентство передовых оборонных исследовательских проектов). И в качестве третьего приложения включить в список технологии 5–го и 6–го укладов, которые должны быть освоены совместными усилиями трех стран. Без этих трех предложений, с нашей точки зрения, Евразийский союз для нашей страны вообще не имеет никакого смысла.

В.Цепкало: Что касается возможностей нашей страны в сфере экономики знаний в контексте Евразийского союза. Здесь на данном этапе большую выгоду получают индустриальные сектора экономики. Поскольку для постиндустриальных секторов, в частности информационных технологий, национальных границ практически не существует. Продавать, например, программный продукт можно благодаря интернету по всему миру, причем не выходя из кабинета. Что касается биотехнологий, фармацевтики и других, то эти отрасли в значительной степени подпадают под регулирование национальных государств. А программный продукт уже давно работает в условиях глобальной конкуренции. Причем выгодность его производства и продажи еще и в том, что в случае его неудачной раскрутки и банкротства компании люди не остаются без дела. Они тут же абсорбируются либо аутсорсинговыми, либо другими продуктовыми компаниями.

Интеграция на евразийском пространстве, партнерство в условиях кооперации на высокотехнологичных сегментах экономики ведет, на мой взгляд, в первую очередь к получению дополнительных человеческих ресурсов.

Мы первыми на евразийском пространстве начали развивать индустрию разработки программного обеспечения. Сегодня можно с уверенностью сказать, что Беларусь по сравнению с другими странами постсоветского пространства существенно продвинулась в этом направлении. Но в то же время мы столкнулись с катастрофической нехваткой кадров. Сегодня наш объем заказов значительно опережает наши кадровые возможности. У нас не хватает специалистов, чтобы все их принять и выполнить. Поэтому некоторые наши компании создают центры разработки в других странах. Не только в России, но и в Украине и Казахстане. Кстати, в этом отношении в Украине кадровый потенциал очень даже приличного уровня. В России, надо отметить, талантливых людей немало, но при этом не очень стремится молодежь идти учиться на инженера, конструктора. Их больше интересует госслужба либо работа по обслуживанию сырьевого сектора. Финансы, право и так далее.

При этом отмечу, что не только мы открываем в России свои предприятия. Движение идет на встречных курсах. Например, только за последний год у нас в стране открылись три представительства достаточно крупных российских компаний, таких как Яндекс, лаборатория Касперского, Сбербанк–технологии. Понятно, что сюда они идут в поисках уникальных кадров, которые у нас есть в Беларуси.

А.Сивицкий: Но при этом надо понимать, что экономика знаний — это не просто сфера услуг. Это не значит, что мы вырастим 500 тысяч программистов, посадим их за компьютер и на этом задача будет выполнена. Это знание, примененное в том числе и в процессах управления. В промышленности, в сельском хозяйстве, других отраслях.

Например, чтобы до 2020 года модернизировать промышленность в соответствии с требованиями современного рынка, нужно 100 миллиардов долларов. Понятно, что это огромные деньги. Но меня настораживают разговоры на самых разных уровнях и в России, и в Беларуси, что нужно отказываться от промышленной индустрии и переходить к постиндустриальному обществу.

А.Лазаревич: Акцент на экономике знания не означает призыв к созданию общества виртуальных ценностей. Разумеется, это не так. Без индустриального производства, без реального сектора экономики не может существовать и развиваться ни одно государство. Речь идет о том, какова их эффективность. А этот показатель сегодня напрямую зависит от наукоемкости и высокой технологичности производства. Иначе говоря, переход к обществу, основанному на знании, не означает тотальное сокращение индустриального производства и не носит характера общей тенденции. Все зависит от того, на какой стадии развития находится то или иное государство.

«СБ»: А что мешает сегодня развиваться экономике знаний более быстрыми темпами?

В.Цепкало: Одним из сдерживающих факторов, как я уже сказал, является нехватка кадров. Система образования не успевает готовить их в нужном количестве. Наши вузы частенько сориентированы не на спрос реального сектора экономики, а на тех абитуриентов, которые готовы платить деньги. Поэтому выпускается много юристов, экономистов, бухгалтеров, менеджеров. А вот, скажем, количество программистов не удовлетворяет потребности рынка. За три последних года количество бюджетных мест по нашим специальностям увеличилось всего на 50. Учитывая сложившуюся ситуацию с кадрами для нашей отрасли, мы приняли решение создать свой университет. Он

будет полностью ориентирован на подготовку специалистов для нашей отрасли. Сейчас мы прорабатываем концепцию развития этого направления деятельности и подыскиваем площадку для его строительства. Он будет работать и в реальном, так сказать, пространстве, и в виртуальном. То есть предусмотрена и возможность отдаленного обучения.

А.Сивицкий: Соглашусь с Валерием Цепкало, что нам нужно уже сейчас растить кадры будущей экономики. На мой взгляд, нам нужно создавать современные университеты — предпринимательский, исследовательский и так далее. Как в США. Там эти университеты активно взаимодействуют с бизнесом.

А.Лазаревич: Растить кадры будущей экономики, конечно, нужно. Но, поскольку мы сегодня говорим об экономике знаний, нельзя забывать о подготовке тех, кто эти самые знания и производит, т.е. о кадрах науки. В связи с этим весьма актуальной является идея создания в структуре НАН Беларуси Академического университета, который бы и взял на себя функции отбора талантливой молодежи и ее приобщения к практическому занятию наукой. А дальше можно выходить и на связь науки с производством, фирмами, компаниями и т.д.

А.Мирошниченко: В России компании разрабатывают отраслевые квалификационные стандарты, на основе которых потом пишутся учебные программы для студентов. То есть готовят специалистов не по программам, составленным чиновниками от образования, а в соответствии с требованиями специалистов компании. И это правильно: не чиновник знает, чему надо учить специалиста, это знает будущий работодатель.

Я постоянно участвую в конференциях директоров по персоналу в основном частных компаний. Так вот они уже бьют в колокола — в стране катастрофическая проблема с кадрами. Не хватает специалистов практически всех профилей. Наиболее востребованные уезжают в Россию. И если раньше частные компании звали к государству о помощи с кадрами, то теперь они уже готовы сами взяться за решение для себя этой проблемы.

В.Гончаров: Кстати, Минобразования сформирован и ежегодно обновляется перечень проблем технологического и экономического характера, так называемый задачник от промышленности. То есть отрасли говорят о том, что им хотелось бы решить те или иные проблемы, под которые нужны специалисты.

Но надо признать и то, что не всегда производство знает о существовании тех или иных самых передовых разработок. Здесь нужно ученым идти навстречу производству и снабжать его свежими идеями. На это и нацелена идея создания в стране инновационных кластеров.

А.Лазаревич: Чтобы наука давала большие результаты, нужно работать в условиях международной кооперации. В нашем случае это прежде всего кооперация ученых Беларуси, России и Казахстана в рамках Евразийского союза. Но при этом нужно ориентироваться на мировой уровень научных разработок и эффективный опыт их использования. В первую очередь создавать креативную среду — научно-технологическую, научно-инновационную. Говорят, что это сложно, что для этого нужно много средств. Но дело в том, что, если такая среда создана, деньги, по сути, сами идут туда. Сегодня мировые финансовые фонды и инвестиционные компании смотрят уже не в сторону природных ресурсов как традиционного, кстати сказать,

исчерпаемого, источника пополнения капитала, а в сторону перспективных рынков интеллектуальных продуктов — новых идей, теоретических знаний, наукоемких технологий. Поэтому нужно такие рынки формировать, выстраивать систему коммерциализации научных разработок. * * *

«СБ»: Подытожим кратко: в чем основные преимущества экономики знаний? Хотелось бы услышать оценку экономического эффекта, который уже сейчас приносит Парк высоких технологий в Беларуси.

В.Цепкало: В этом году по объему выручки Парк высоких технологий выйдет на сумму 500 миллионов долларов, из которых 90 процентов составляет экспорт. В прошлом году доля Парка высоких технологий в платежном сальдо Беларуси составила более 11 процентов. В этом году при росте объемов экспорта ПВТ на фоне снижения экспорта по другим секторам экономики наша доля в платежном сальдо страны, думаю, составит около 30 процентов.

Тот факт, что мы за 7 — 8 лет с момента создания, фактически с нуля, имеем такой серьезный прогресс, говорит о больших возможностях экономики знаний.

А.Лазаревич: Экономика знаний — это прежде всего новый способ производства и новый формат развития. Я бы выделил здесь гуманитарную составляющую прогресса — человека, его талант и достойное признание.

А.Мирошниченко: Упор на использование интеллектуального потенциала по умолчанию уже означает его развитие. Развитие интеллектуального уровня человека и всего общества. А упор на использование материального потенциала — природных ресурсов и так далее — приводит к его истощению.

В.Гончаров: Идеальный «экранный» пример экономики знаний как зарабатывания своим умом: знатоки из «Что? Где? Когда?» зарабатывают только на знаниях, на интеллекте. Хотя это и не означает, что интеллектуальные шоу будут успешны без должной материальной подпитки.

«СБ»: Кстати, какова выработка на одного сотрудника Парка высоких технологий?

В.Цепкало: Выработка в абсолютных показателях у нас ниже, чем в индустриальных или сырьевых секторах. Дело в том, что стоимость, скажем, трактора высока в основном за счет стоимости металла, энергии, комплектующих и т.д., используемых на его изготовление. А в программном продукте ничего материального нет, только интеллект программиста. Другое дело — формирование добавленной стоимости, то есть того, что осталось на предприятии и в конечном счете в стране.

Тракторов можно продать на миллиард долларов. Но чтобы понять, что осталось в стране, надо вычесть затраченные материальные и энергетические ресурсы.

Мне кажется, правильнее говорить о формировании добавленной стоимости. А она у нас выше в три раза, чем в среднем по стране.

Кроме того, что экономика знаний зарабатывает валюту, очень важен и другой момент. Высокая заработная плата в отрасли способствует росту потребительского спроса населения, и в первую очередь спроса на услуги. При высоких доходах люди тратят деньги на посещение развлекательных мероприятий, услуги парикмахерских, прачечных, кафе, на культурный отдых — театр, кино. Это способствует развитию

сектора услуг. Они покупают машины, строят дома — все это косвенные налоги для государства, занятость для многих других отраслей экономики. С большей зарплатой больше налогов поступает в казну. А при малой зарплате деньги в основном тратятся на базовые потребности — еду и одежду. На остальное у человека нет средств, и он обращается к государству за помощью.

«СБ»: Вы сказали о высокой зарплате в IT-отрасли. Да, сегодня многие программисты зарабатывают больше министров. Некоторые социологи высказывают опасения, что переход к экономике знаний, обществу знаний обострит проблему социального неравенства. Оставит, скажем так, на обочине жизни немалое количество людей, которые в силу своего образования не смогут вписаться в него. Что вы скажете об этом новом — интеллектуальном — неравенстве?

А.Лазаревич: В любых формах организации жизни есть свои плюсы и минусы. Грядущее общество знаний в этом смысле небезгрешно. Например, можно говорить об угрозе появления нового вида социального неравенства. Так называемого цифрового разрыва, связанного с неравномерным движением стран, социальных групп, отдельных людей к информационному обществу. И, как следствие, с разной возможностью доступа к новейшим информационным технологиям. Поэтому нужно на государственном уровне разрабатывать перспективные программы становления информационного общества, предусматривая при этом и комплекс мер противодействия возможным негативным явлениям.

А.Мирошниченко: Задача государства не в том, чтобы уравнивать всех людей. А в том, чтобы как можно выше поднимать уровень образования в стране и сохранять его общедоступность. И каждый волен выбирать себе путь, исходя из своих способностей, склонностей, талантов. Даже при той доступности, которая существовала в советские времена, далеко не все люди стремились получить высшее образование.

Но есть другая сторона у экономики знаний. Когда в стране класть кирпичи на стройке некому. Что мы видим сегодня? Каменщик после ПТУ зарабатывает в 2 — 3 раза больше, чем ученый, чем врач или педагог. Как быть с этим неравенством?

А.Сивицкий: Социальное неравенство всегда было и будет по объективным причинам. Главное, чтобы это неравенство не распространялось на доступ к образованию, знаниям и информации. Потому что сегодня это тот ресурс, благодаря которому человек, если пожелает этого, может изменить свой социальный статус в обществе.

«СБ»: И последний вопрос — о связи инновационной экономики с культурой человека. С тем, что мы называем разносторонней и глубокой личностью. Связь тут, как мне кажется, прямая...

А.Мирошниченко: У Питера Друкера есть такое понятие, как интеллектуальный работник. Он зарабатывает только своим интеллектом. И чтобы что-то производить серьезное, он должен быть личностью целостной.

В.Гончаров: Капитал человека прирастает его уникальностью.

А.Сивицкий: Но, с моей точки зрения, по мере перехода к постиндустриальному обществу начинает доминировать культура, которую мы называем потребительской культурой. И здесь человек начинает потреблять не только ценности и стандарты поведения, свойственные своей национальной культуре, но и других культур. И в значительной степени глобальной, массовой культуры. Сохранение белорусской

культуры в этих условиях зависит от того, насколько наш креативный класс сумеет коммерциализировать белорусские национальные ценности и превратить их в конкурентоспособные в мировом масштабе.

В.Гончаров: Это говорит о том, что все общество должно двигаться в одном направлении. Нужна единая мотивация, идея, увлекающая всех. И индивидуумов, и общественные организации, предприятия и государство. Мы должны выработать на основании общественного консенсуса общую модель развития и планомерно ее выстраивать. Любое противопоставление друг другу ведет к потерям для всех.

А.Мирошниченко: К слову, о мотивации, стимулах к единству как условию развития. В менеджменте есть такое понятие, как ценностное управление. Если у нас, к примеру, в коллективе общие ценности, наше взаимодействие будет намного эффективнее. А если взаимодействие налаживать дубинкой, понятно, единство будет непрочным и недолгим.

А.Лазаревич: Общество, основанное на конструктивном знании, по определению не может быть бескультурным. Но здесь важно, делая ставку на интеллектуала, не потерять интеллигента — духовность, патриотизм, гражданственность, национальное самосознание, гуманитарную культуру как таковую.

Авторы публикации: Нина РОМАНОВА, Иван КИРИЛЕНКО
Фото: Александр КУЛЕВСКИЙ